

Чужеродные

Марго Гритт

Чужеродные

рассказы

альпина
ПРОЗА

Москва, 2025

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44
Г85

Редактор Аглая Топорова

Гритт М.

Г85 Чужеродные : [рассказы] / Марго Гритт. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 280 с.

ISBN 978-5-00223-354-0

Герои этих рассказов существуют в пузыре собственной реальности. Снаружи случаются большие катастрофы и мелкие расставания, гремят конфликты, исчезают редкие виды птиц и стираются из памяти знаменитые достопримечательности. Персонажи подмечают изменения и, цепляясь за символы прошлого, одновременно остаются собой и становятся чужеродными элементами не враждебной, но и не дружественной среды. Просто все они сами по себе — герои в жизни и жизнь в героях. Это не о поисках себя, а о том, насколько ты слился с окружением, да и так ли необходимо это слияние.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© М. Гритт, 2025
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

ISBN 978-5-00223-354-0

Посвящается Доре

Past Perfect

Мальчик сказал «проблемка» вместо «проблема», и первое, о чем Васьвась подумала: «А, он из тех, кто изъясняется уменьшительно-ласкательными словечками». Мальчик, конечно же, представился в начале встречи, но она плохо запоминала имена, отметила про себя лишь, что у него немецкая фамилия из двух слогов: что-то там и «манн» — «мужчина». Но Васьвась называла мальчиками всех мужчин в диапазоне от «мальчик на вид» до «мальчик в душе». Конкретно этому — ноги скрещены в лодыжках, вельветовые брюки древесного цвета и черная водолазка в стиле «мы-против-дресс-кода», запах дезодоранта с неизменным *temptation* в названии — можно дать лет двадцать пять, только вот борода, выкрашенная в жемчужный оттенок по нынешней геронтофильской моде, затрудняла определение возраста.

Вроде симпатичный мальчик, но раздражал жутко. Примерно на пятой минуте разговора Васьвась поняла почему. Рот! Уголки его губ словно кто-то приклеил к щекам скотчем. Ей стало любопытно, перестанет ли он протокольно лыбиться,

если под нос ему сунуть дохлую крысу. Когда секретарша — тетка лет пятидесяти с невидимой бегущей строкой над головой «мы-против-стереотипов-о-секретаршах» — внесла поднос, Васьвась на секунду показалось, что та прочла ее мысли и решила провести эксперимент с крысой. Но на подносе стояли три кофейные чашки, такие крошечные, что Васьвась с Шалевским невольно переглянулись: дома они привыкли пить кофе из пузатых кружек, украденных на гамбургской рождественской ярмарке. Ну как украденных — они честно заплатили за них залог в пару евро, просто не вернули. Ярмарка та почти сорокалетней давности проводилась с пометкой «восемнадцать плюс». На кружке Васьвась красовался голозадый Санта-Клаус в солнцезащитных очках, на кружке Шалевского — снеговик, который распахивал плащ как эксгибиционист. А ведь Шалевский мог запросто выбрать для *PastPerfect* именно тот день, хоть бы и шутки ради: надувной розовый фламинго, парящий над площадью, елочные игрушки в виде фаллосов, леденцы в виде фаллосов, ледяные скульптуры в виде — да, снова фаллосов, развешанные на прищепках семейники под козырьками киосков, аромат жареных сосисок. Пьяные от глинтвейна и какого-то совершенно нереального киношного Рождества, они примеряли вязаные шапки с ушками, грызли орешки в сладкой глазури — один кулечек на двоих, — гуляли по сияющему Репербану, много, неприлично много смеялись, точно школьники, разглядывая витрины секс-шопов, сражались с чайкой за сэндвич с селедкой — не спрашивайте, — но Васьвась помнит

и другое: как мокрые следы от поцелуев стыли на ветру, как коченели пальцы, несмотря на шерстяные перчатки, как невыносимо было слушать по десятому кругу *Last Christmas* — она ни за что не согласится на голос Джорджа Майкла на повторе до скончания времен.

— Я бы сказал даже, маленькая неувязочка.

Манн подхватил кофейную чашечку двумя пальцами и беззвучно отпил, демонстрируя невероятные способности лицевых мускулов, — Васьвась даже решила проверить такой трюк дома перед зеркалом и проверить, получится ли у нее одновременно растягивать губы в улыбке и складывать их трубочкой, чтобы пить. Выглядело отпадно.

Шалевский тоже потянулся к кофе, только чтобы занять чем-то руки. Ни молока, ни сахара — эту экологически чистую дрянь он точно в рот не возьмет. Примостившись на самом краешке кресла, Шалевский подался корпусом вперед и по привычке чуть повернул голову влево, наверняка полагая, что никто не замечает этой странной манеры, — Васьвась столько раз говорила, что ему пора купить слуховой аппарат, но он отмахивался, не желая признавать очевидное. Выпендривался: «Я все равно могу предугадать каждое твое следующее слово». Тогда она называла что-то совсем непредсказуемое вроде «колоратура», и он переспрашивал: «А?»

Манн продолжил:

— Поскольку вы подаете заявку как пара, — «Спасибо, что не “парочка”», — успела подумать Васьвась, — нам необходимо, чтобы даты совпадали.

В ваших анкетах указаны разные дни. Вероятно, мои коллеги не прояснили вам, что день должен быть один. Один на двоих.

В отличие от нее, Шалевский не мог сопротивляться действию зеркальных нейронов и растерянно улыбался Манну в ответ, не понимая, что, собственно, происходит. «Дура, какая же я дура!» — пронеслось в голове Васьвась.

— Боюсь, я могла что-то напутать, — тихо сказала она, стараясь не смотреть в сторону Шалевского. — Вечно у меня проблемы с этими цифрами...

— Ничего страшного. Необязательно решать прямо сейчас. Вы можете взять время на подумать.

— Но мы же решили... — подал голос Шалевский.

— Ерунда, — проговорила Васьвась, чувствуя, как пылают щеки, точно у школьницы, сделавшей глупую ошибку в слове «молоко» — оно же маячило у нее перед глазами каждый день за завтраком. — Всего лишь опечатка, давайте я...

— Как я понимаю, торопиться некуда, — Манн, ни на минуту не переставая улыбаться, сверился с данными в планшете.

Наверняка перепроверял пункт «Неизлечимые болезни».

— А если мне завтра кирпич на голову упадет? — попытался пошутить Шалевский, но Манн счел это риторическим вопросом.

Честно говоря, Васьвась ничего не напутала. Васьвась поняла инструкции правильно с самого начала. Но в последний момент она машинально

вписала в строчку анкеты другую дату, не ту, что они сто раз обговорили с Шалевским. Просто помутнение какое-то. А все из-за той художницы с черными пятками, черт бы ее побрал.

Первый детский опыт столкновения со смертью Васьвась пережила нетривиально. Беда пришла откуда не ждали, как сказала мама. У всех нормальных людей ведь как: дедушка или рыбка. А у Васьвась — *особенная ты наша* — была лампочка, самая обыкновенная лампочка накаливания в прикроватном ночнике под абажуром, которая однажды взяла и перегорела. Не лопнула даже, просто перестала работать. Когда папа выкрутил лампочку, чтобы заменить на новую, и понес к мусорному ведру, трехлетняя Васьвась разрыдалась. Как она объясняла уже в зрелом возрасте, откровенничая по пьяни со знакомыми на вечеринках: в тот момент Васьвась остро почувствовала временность вещей. Потом она еще несколько лет оплакивала севшие батарейки в пульте от телевизора или пожухлую новогоднюю ель, провожая ее в последний путь на свалку — по старой русской традиции в начале мая. «Ничто не вечно под луной», — нараспев декламировал папа, подметая желтые иголки, и все в Васьвась протестовало. Первоклассница Василина Васильевна посчитала себя уже достаточно взрослой, чтобы не истерить прилюдно из-за увядших восьмимартовских тюльпанов, но тайком продолжала предаваться грусти и засушивать их лепестки между страницами книг, пытаясь вернуть зыблемый мир в незыблемое состояние. Когда в августе девяносто девятого

умирала прабабушка, мама опасалась нервного срыва, но Васьвась держалась на удивление спокойно. К тому времени она поняла, что о страхе смерти, вообще-то, не принято говорить. Даже в те свободные годы, когда разрешили говорить про секс. Никому, кроме Шалевского, Васьвась не призналась, что в юности посреди ночи могла проснуться с сердцем, отбивающим на ребрах четку, потом лежать до рассвета с открытыми глазами, пытаясь постичь концепцию смертности. Никому, даже Шалевскому, Васьвась не признавалась, что просыпается так по ночам до сих пор. А ведь ей уже стукнуло шестьдесят пять. Вот мама, например, в ее возрасте — *как нормальный человек* — научилась принимать смерть как данность: «Что поделать, такова жизнь». А Васьвась продолжала сопротивляться. Ей казалось, она стоит в одиночном пикете с самодельным плакатом «Нет смерти», пока все вокруг, смирившись, отбрасывают коньки.

Когда СМИ сообщали об уходе из жизни очередной голливудской актрисы, Васьвась первым делом выясняла, сколько той было лет, как будто это хоть как-то могло помочь ей понять, сколько времени в запасе есть у нее самой. Робин Райт, например, умерла в возрасте восьмидесяти четырех. На большие экраны повторно выпустили сериал *Ludmila*, в котором она сыграла оscarоносную роль известной первой леди. Кстати говоря, модного нынче развлечения — смотреть целые сезоны сериалов в кинотеатрах, зависая там по десять часов кряду, — Васьвась не понимала. Николь

Кидман пережила Райт на два года. Ходили слухи, что для *PastPerfect* она выбрала день развода с Томом Крузом из-за тех знаменитых фотографий, которые гуляли по сети, но на самом деле, когда она скончалась от инфаркта, программа только начинала третью стадию тестирования и еще не вышла на широкую аудиторию. Тильде Суинтон — Васьвась боготворила ее в юности — в этом году исполнилось девяносто пять, но она, кажется, и не собиралась умирать.

Программа *PastPerfect*, или *ПэПэ*, как называли ее в народе, стала доступной для простых смертных («простых бессмертных» — шутил Шалевский) с прошлого апреля. Васьвась с ее скромным воображаемым плакатиком «Нет смерти» будто обнаружила себя в центре массового протеста. Программа не обещала решить проблему смерти, но она предлагала выбрать загробную жизнь. Больше, чем ничего. Васьвась тотчас же встала в очередь на подачу заявки. Благо денег они скопить успели. Шалевского долго уговаривать не пришлось: новые технологии приводили его в абсолютно детский восторг, а после экскурсии по «райскому саду» он так вообще согласился *в гроб хоть сейчас*.

Знакомство потенциальных клиентов с *ПэПэ* начиналось именно с экскурсии. Маркетинговая стратегия была рассчитана верно: «райский сад» действительно впечатлял.

Мама Васьвась почти всю жизнь проработала редактором новостей на региональной телестудии, где иногда устраивали день открытых дверей для детей сотрудников. Васьвась хорошо помнила, как

однажды ее, маленькую, пустили за кулисы прямого эфира, наказав вести себя тихо-претихо. Не-совершенная детская память множила ряд мониторов над режиссерским пультом в десятки или даже сотни раз. Картинки мельтешили перед глазами как разноцветные стеклышки в калейдоскопе. «Райский сад» напоминал ту аппаратную, только стоял совершенно безмолвный. И вместо взрывов, прорывов водопроводных труб, авиакатастроф здесь мелькали другие кадры. Вообще-то «сад» представлял собой крытый колумбарий: снаружи — восьмиэтажный бетонный куб без единого окна, по проекту какого-то известного австрийского архитектора, «квадратиш и практиш», такого стерильного белого цвета, который режет глаза, внутри — ряды многоярусных стеллажей, упирающихся в пятиметровые потолки, дорожки подсвечены аварийными огоньками, но основной свет идет от плазменных экранов, встроенных в плиты, которыми закрываются ячейки с урнами.

— Сначала мы хотели сделать виртуальное кладбище, но поняли, что людям все еще важны физические носители.

Экскурсию по «саду» проводила девочка, имя которой сразу же выветрилось из головы Васьвась. «Девочками» Васьвась называла только тех, кто ей нравился. Конкретно эта — и правда, молоденькая, строгий костюм в стиле «плевать-что-мы-против-дресс-кода», ежик на голове, выкрашенный под седину, — ей очень нравилась. Удивительно, как теперь девочки с идеальными личиками вместо того, чтобы втирать в кожу антивозрастные

крема, пририсовывают «складки скорби» вокруг подбородка коричневым карандашом.

— Неисправимый род человеческий, — пожалала девочка плечами. — Нам все еще важно место, куда можно прийти ножками и помянуть тех, кто нам дорог. Видео, которые здесь транслируются с разрешения клиентов, конечно, не в полной мере отражают опыт, который они переживают прямо сейчас, но мы хотя бы приблизительно можем представить, где они... вернее, их сознание находится.

Рекламные брошюры, по старинке отпечатанные на глянцевой бумаге и рассчитанные в основном на людей пожилого возраста, объясняли суть *PastPerfect* в слогане: *Relive, Rejoice, Repeat*. Из текста явно нарочно вырезали словосочетание «после смерти»:

«Закройте глаза и представьте, что [после смерти] вы можете вернуться в прошлое и прожить заново один день вашей жизни по выбору. Вспомните тот самый день, когда вы были по-настоящему счастливы: первое свидание, свадебное торжество, встреча с детьми или просто уютный день с кофе на любимом балконе. Программа *PastPerfect* дарит вам возможность возвращаться [после смерти] в это волшебное время вновь и вновь.

С помощью революционной технологии сохранения и активации сознания [после смерти] вы сможете полностью насладиться переживанием одного особенного дня. С *PastPerfect* ваши счастливые моменты станут вечными. Начните жить

[после смерти] так, как будто каждый день — ваш день. Не упустите шанс на бессмертие с *PastPerfect*».

Закольцованные видео, которые крутились в колумбарии, показывали только тизер к полнометражному двадцатичетырехчасовому кино — на основе данных нейросеть отрисовывала самые яркие моменты. «Ради рекламы, разумеется», — подумала Васьвась. Программа немного кинотеатра мертвых, как она окрестила его про себя, не отличалась разнообразием. Первое, что приходило в голову при словосочетании «рай на земле», мелькало чуть ли не на каждом втором экране. Пальмы, полосатые шезлонги, коктейли с малюсенькими зонтиками, выкрученный на максимум лазурный цвет воды. Концепция пляжного отдыха всегда казалась Васьвась странной: год пахать, чтобы скопить на летний отпуск, а потом две недели таскаться на пляж как на работу. Вставать рано, пока южное солнце не озверело к полудню, соблюдать регламент — окунаться в море до шведского стола, а не после, иначе скрутит кишки, мазаться санскрином, не забывать переворачиваться на полотенце, равномерно обжариваясь со всех сторон, как баранина на вертеле, а после ужина спешить на набережную, чтобы не пропустить закат — будет что вспомнить на старости лет, и никто не расскажет, что на старости лет все эти бесчисленные закаты сливаются в один.

Именно такой день они и выбрали с Шалевским.

Когда Васьвась первый раз подошла к нему с вопросом: «Если бы ты мог вернуться только в один день нашей жизни, то какой?», он ответил

не задумываясь: «Жуан-ле-Пен». Сочетание звуков, как мадленка Пруста, мгновенно развернуло перед Васьвась воспоминания, и она кивнула: «Да, пожалуй».

— Я думал, чаще всего люди бывают счастливы в детстве, таким, знаете ли, чистым, незамутненным счастьем, — сказал Шалевский, когда они поднимались на последний этаж, где оставалось еще много пустых экранов, а оттого в «райском саду» заметно потемнело. — Но я не вижу здесь ни одного ребенка.

— Мы пытаемся реконструировать день из ваших воспоминаний как можно полнее, а детская память обычно хранит только какие-то вспышки, незначительные детали, — ответила девочка. — По ним почти невозможно восстановить даже несколько часов.

Как она объяснила, виртуальные декорации индивидуального эдема создавали по личным архивам, фотографиям, видео в соцсетях, кадрам с камер наружного наблюдения, дневниковым записям, заметкам, сообщениям, письмам, метеосводкам, которые хранились в интернете. Новому поколению, конечно, повезло больше, со всеми этими камерами на триста шестьдесят градусов, обилием 3D-контента, объемными видео с эффектом полного погружения. Поколению же старому приходилось чуть ли не щипцами вытаскивать детали обстановки из пиксельных снимков.

— Но в первую очередь мы ориентируемся на ваши воспоминания, — сказала девочка. — Работаем с теми, что есть, даже если они ложные.

Например, вы точно помните, что в тот день шел дождь, а погодные сводки утверждают обратное. Наш клиент всегда прав. Дождь так дождь. Мы *немного* переписываем прошлое, чтобы Тот Самый День как можно точнее совпадал с представлениями о нем.

«Каждому воздастся по вере его», — вспомнила Васьвась.

Шалевский открыл было рот, но девочка его перебила, словно догадавшись, о чем он собирается ее спросить:

— Нет, мы не можем добавить драконов, — улыбнулась она. — Вы не первый, кто спрашивает. Никаких фантастических элементов.

Васьвась не могла отделаться от мысли, что «райский сад» напоминает то старое приложение, популярное в ее молодости, где принято было демонстрировать счастье. Мама часто повторяла: «Счастье любит тишину», но все оказалось ровно наоборот: счастье выставляли напоказ, а... — подставить антоним счастья на выбор — скрывали. Мертвые будто тоже соревновались, чьи воспоминания лучше.

— Хотя нет, знаете, я про дождь неправильно пример привела, — сказала вдруг девочка. — Дождь никто не выбирает. Наоборот. Начитались романтической литературы, где погода должна соответствовать настроению героя. В нашем саду всегда солнечно. А я сама дождь больше люблю...

Последнее замечание прозвучало так просто-душно, что девочка тут же покраснела: говорить о себе с потенциальными клиентами — вопиющий

непрофессионализм. Васьвась мягко ей улыбнулась. Она тоже, если честно, предпочитала дождь.

— Люди часто называют самым счастливым днем появление ребенка на свет, но, судя по всему, никто не готов переживать роды снова и снова, — заметила Васьвась, оглядывая стеллажи.

— Да уж, — рассмеялась девочка. — Одна пара тут недавно чуть ли не поссорилась по этому поводу. Парам в принципе сложно. Люди помнят одни и те же события по-разному. Мы можем вместе находиться в совершенно пустой комнате всего пять минут, но после расскажем о ней непохожие истории. Вы запомните одни детали, я — другие. Поэтому наши гении сначала поработают с вашими воспоминаниями по отдельности, а потом станут их переплетать...

— Как косичку? — вставил Шалевский.

— Как сюжетные линии в кино, — улыбнулась девочка. — Пары вроде вас... Я имею в виду ваше поколение, часто останавливаются на дне свадьбы. Немного старомодно, но тем не менее. Сами знаете, свадьбы как феномен почти исчезли, а людям свойственно тосковать по традициям из прошлого. Но я искренне не рекомендую, — доверительно понизила голос девочка. — Клиенты выбирают раз за разом проживать торжество и только потом вспоминают расстройство желудка от нервов, натертые ноги, неловкий тост дяди Гены...

Им бы такое и в голову не пришло. Их свадьба точно не подходила под определение «самый счастливый день». Роспись на скорую руку в марте две

тысячи двадцать второго, без свидетелей, как идеальное преступление, за закрытыми дверями кабинета районного загса, который показался Васьвась каким-то голым — только стол, стулья с мягкими спинками и шкаф для бумаг. «Хоть бы картину повесили, — думала Васьвась почему-то обиженно, — или цветочки». На ней были джинсы и футболка — белая, как положено. Васьвась всегда считала, что выходить замуж так — особый шик, но при других обстоятельствах у нее были бы и настоящее платье, и прическа, и макияж, и отретушированные фотографии, по которым специалисты потом воссоздавали ее послесмертие.

— Может, мой лучший день еще впереди? — спросил Шалевский.

— Что ж, устройте его и приходите к нам через годик, — улыбнулась девочка.

Когда они уже попрощались, Васьвась заметила на одном экране женщину. В отличие от других женщина не улыбалась. Глаза прикрыты, лицо сосредоточенно. Черное одеяние колыхалось от ее ломаных движений, а двигалась она все время, ни на миг не останавливаясь, как акула, — если замрет хоть на мгновение, пойдет камнем на дно. Женщина ступала по белому полотну, расстеленному на полу, танцуя какой-то странный угловатый танец. Ее ступни были вымазаны черной краской, они оставляли на холсте закрученные линии, пятна, прерывистые штрихи. Женщина нелепо вышагивала по кругу с негнушимися коленями, приседала, потом вытягивалась в полный рост, отставляла ногу и крутилась вокруг своей оси, взмахивала руками

над головой, словно птица, пытающаяся взлететь, выворачивала ступни, и черные линии следовали за ее движениями.

— Что это? — спросила Васьвась, указывая на экран.

Вопрос застал девочку врасплох, но Шалевский переспросил: «А?» — и у той прибавилось времени, чтобы подумать над ответом. Все-таки не зря она сразу понравилась Васьвась — девочка решила ответить честно:

— Перформанс одной художницы... Двадцатые, если не ошибаюсь. У нас не было ничего, кроме пары записей не очень хорошего качества, которые зрители выложили в интернет. Но она пожелала выбрать именно этот день. Притом что в то утро она проживала совершенно обыкновенную жизнь, не самую радостную, если честно: омлет подгорел и сработала пожарная сигнализация, палец порезала, когда открывала консервную банку, видимо, глубоко, потому что кровищи было... Вон, видно лейкопластырь. Первый день месячных, самый болезненный. Но она согласилась на все, лишь бы пережить создание картины снова и снова. Для нее эта работа значила очень многое...

Васьвась потом отыскала коротенькую заметку в сети: художница посвятила перформанс военнопленным, которых выгоняли зимой босыми на улицу и, потешаясь, снимали на видео, как те пытаются согреться, с трудом сгибая окоченевшие ноги, и вытаптывают снег до черной земли. На белоснежном полотне возникал абстрактный рисунок, который художница превратила

в искусство. После перформанса ее арестовали на пятнадцать суток.

На медицинском осмотре, сканировании мозга, на приеме у психиатра, во время ответов на миллионы вопросов, которые заняли не один сеанс, во время заполнения подробнейших анкет Васьвась думала только о художнице. Почти на автомате она вписала в опросник с предварительными датами другой день — *свой* день, — и так они с Шалевским попали к мальчику Манну.

— Как только вы будете готовы, — сказал он, — мы назначим новую встречу и обсудим дальнейшие шаги.

Манн пожал Шалевскому руку, повернулся к Васьвась и вдруг попросил ее остаться на пару слов. Спустя десять минут она вышла из его офиса, раскрасневшаяся и злая.

У входа в здание, как всегда, ошивались члены христианской общины, в основном молодые женщины в платочках и юбках в пол, сплошь серенькие, в тон сентябрьской погоде. Полиции, кажется, надоело разгонять их одиночные пикеты, к тому же они особо никому не мешали, просто молча стояли с плакатами: «Оцифровка сознания — против замысла Божьего», «Рай — это жизнь в Боге, а не в машине», «Кто продаст душу цифровому дьяволу, не войдет в Царствие Божие».

— Чего он хотел? — спросил Шалевский, раскрывая над ней зонт.

Васьвась дернула плечом.

— Уточнил, не смертельна ли моя молочница, которую я указала в хронических заболеваниях.

Васьвась чувствовала себя неудобно в этих новых такси на автопилоте, поэтому всегда переплачивала за автомобили с водителями. Шалевский убеждал ее, что они не настоящие водители, а всего лишь актеры, нанятые, чтобы держать руки на руле, но с человеком на переднем сиденье ей все равно было привычнее и спокойнее. К тому же она знала, что Шалевский не станет ничего обсуждать при посторонних, а значит, у нее оставалось время подумать, как объяснить ему путаницу с датами.

В приложении Васьвась по привычке нажала «Выключить музыку». Авто летело по трассе так плавно и почти бесшумно, что, казалось, они стоят на месте, а кто-то за окнами прокручивает пленку с кадрами города, как делали в старых кинофильмах. Сквозь брызги на лобовом стекле Васьвась пыталась рассмотреть башенки Москвы-Сити — вокруг давно повзростали новые небоскребы, и казавшиеся когда-то исполинскими здания теперь проигрывали и в высоте, и в солидности. Шалевский называл стекляшки живописными, а она предпочитала старомодную архитектуру вроде германских фахверковых домов, но сейчас Москва-Сити представляла собой островок прошлого — того, которое они планировали как следует поворотить, — и потому казались ей даже уютными. Васьвась вспомнила разговоры с бабушкой — та любила повторять пресловутое «раньше было лучше», а Васьвась с умным видом ее наставляла: ты просто склонна романтизировать прошлое, потому что тогда была молода, энергична и влюблена в дедушку. Теперь Васьвась и сама романтизировала старую

Москву, которая во времена ее молодости была далека от романтики. Правда, бабушкой Васьвась так и не стала — детей у них с Шалевским не было.

По привычке ходить в гости не с пустыми руками Васьвась предложила купить торт, но Шалевский сказал, что наверняка Нюра готовит десерт сама. Спор в магазине отвлекал от важного разговора, а потому они предавались ему самозабвенно. В конце концов остановились на живых цветах — розы нынче имели продолжительность жизни как у хомячка, могли простоять в вазе три года благодаря каким-то химическим добавкам, правда, походили на пластиковые, и никому не приходило в голову оплакивать их смерть.

К Курехиным заявили почти вовремя. Им открыл Гарик, сказал, что Нюра занята пирогом на кухне. Шалевский смерил Васьвась я-же-говорил взглядом. Нюра высунулась на секунду из-за двери и помахала им рукой, испачканной в муке. Можно было решить, что мука ровным слоем лежала и на ее волосах, заколотых шпильками на макушке. Нюра перестала закрашивать седину еще до того, как это стало мейнстримом: «Мне так красиво». А Гарик начал брить бороду, когда впервые заметил одинокий выцветший волосок. Нюра рассказывала про него не один раз, покатываясь со смеха: «Надо было видеть его лицо!» Они, как и Васьвась с Шалевским, росли во времена культа молодости, но Нюра, в отличие от мужа, никогда не возражала против признаков старости.

Пока искали вазу для цветов — все емкости оказались заняты долгожителями с прошлых дней

рождения, — раздался еще один звонок — пришла Алла. На этот раз ее волосы были коротко подстрижены и окрашены в пурпурный, Шалевский даже не сразу ее узнал. Алла, промокшая насквозь под дождем, оперлась на косяк двери и пыталась отдышаться.

— Лифт сломался? — удивилась Васьвась. — Мы же только что на нем поднимались.

— Предпочитаю лестницы, — ответила Алла. — Полезно для сердца.

Гарик подал ей полотенце, и на ткани тотчас же проступили пурпурные пятна потекшей краски. Нюра крикнула из кухни:

— Предложи гостям тапочки!

— Вам не кажется, что тапочки — наша главная скрепа? — спросил Гарик.

Васьвась тоже вспомнила, как бабушка в обязательном порядке предлагала тапочки своим гостям, а те каждый раз отказывались, потом мама, непременно, «Вась, пол холодный!», и вот теперь они стали теми, кто толкается в прихожей и спорит: «да не нужно нам тапочек», «сейчас найдем», «я не люблю тапочки, дома тоже не ношу», «я даже носки не могу», «прохладно же», «а моего размера все равно нет». Хранители незыблемых тапочковых традиций в зыблемом мире.

Белка пришла раньше всех и забилась на кухне в уголок с чашкой чая — Нюра не пустила ее помогать с готовкой. Под ногами мешался робот, похожий на мелкого муравьеда, который ходил по пятам за Нюрой и длинным языком мгновенно слизывал крошки, которые она роняла на пол.

«Дети говорят, мы отстали от жизни с нашим старым роботом-пылесосом, ну знаете, круглым этим, который оставляет пыль по углам. Прислали вот подарок, — объяснила Нюра. — А нам нормально было, я за нашим подчищала, конечно, но ничего, не умерла». Васьвась давно не видела Белку. Бессердечная гравитация опустила ее щеки еще ниже, в морщинках скатался тональный крем, седые корни отросли, волосы вообще выглядели неухоженными — могло показаться, что с геронтофильским трендом она чуток переборщила, только вот все это было естественным экстерьером. В молодости Белка старательно расчесывала волосы перед сном, считая до ста, и заплетала в тяжелые косы — Васьвась с Белкой делили комнату общаги, когда учились в консерватории, и каждый вечер повторялось одно и то же, даже после полуночных попоек. «Девяносто восемь...» — «Белка, гаси свет!» — «Девяносто девять...» Белка сильно сдала за последнее время, оно и не удивительно. «Но сегодня хотя бы не в черном, — отметила про себя Васьвась, — а значит, год уже прошел».

— Больше никого не ждем, — сказал Гарик и пригласил всех за стол, накрытый в гостиной.

Нюра, как всегда, наготовила, сама — повариха на пенсии, она даже простую доставку не признавала, не говоря уже о новомодной подписке на продукты, любила ходить по магазинам, придирчиво осматривать каждый помидор, а потом часами возиться на кухне. «Вместо майонеза — греческий йогурт, все диетическое, девочки». Васьвась накнулась на любимый крабовый салат. Автомобили

стали беспилотными, а крабовые палочки как делали из перемолотого минтая, так и делают.

— Может, музыку поставить? — спросил Гарик. — А то сидим как на поминках...

— Не надо! — хором откликнулись Васьвась и Белка.

Алла вспомнила, что принесла безалкогольное вино.

— С каких это пор ты не пьешь? — удивился Гарик, разливая шампанское, но та только отмахнулась и прикрыла ладонью бокал.

— Это какая свадьба получается, серебряная? — спросила Васьвась после первого тоста в честь годовщины Курехиных.

— Да черт его знает, — рассмеялась Нюра, передавая Шалевскому миску с маринованными грибами. — Надо проверить. Гарик, ты не смотрел в интернете?

— А нам вот сказали, что мы со своими свадьбами совсем устарели, — усмехнулся Шалевский.

— Молодежь! — Гарик спародировал старческий голос, хотя ему и не требовалось прилагать особых усилий. — Кажется, про нас так же буквально вчера говорили...

Шалевский пересказал разговор с девочкой на экскурсии по «райскому саду», и все, кроме Белки, охотно включились в обсуждение ПЭПЭ. Васьвась понадеялась, что как-то удастся обойти тему с датами, но, конечно же, Алла почти сразу спросила:

— А все уже выбрали день?

— Мы решили, что самый счастливый — день, когда мы познакомились, — ответил Гарик

и со смехом добавил: — Мы с Ньюрой, я имею в виду, не с вами, друзья!

— О, день знакомства — вот уж нет, спасибо! — рассмеялся Шалевский.

Васьвась впервые встретила Шалевского на какой-то домашней вечеринке, куда пришла с бойфрендом, и Шалевский тогда ей совершенно не понравился. В первые же пять минут он привлек всеобщее внимание, когда пролил на толстовку бокал вина с возгласом: «Я знал, на что иду, когда надевал белое!» Потом весь вечер повторял одно и то же, оправдываясь за красное пятно на животе перед новыми гостями. Смеялся слишком громко, рассказывал пошлые анекдоты, над которыми ей приходилось смеяться, чтобы не приняли за ханжу, а он, как выяснилось позже, рассказывал их по той же самой причине. Хотя, надо признать, что Шалевского на вечеринке Васьвась хорошо помнила, а тогдашнего бойфренда — смутно.

— Нет, сначала мы решили, что выберем один из дней, когда дети были еще маленькие, — сказала Ньюра. — Вот взять хотя бы тот раз на нашей даче, когда мы малину с куста хомячили... Лешка еще потом ежика нашел, и мы его молоком поили... Такие мелочи вроде бестолковые, а запоминаются как самые счастливые. Помнишь, Гарик?

— Нас тогда комары покусали...

— Ну и пусть, ну и пусть! Только вот не получится, роль детей пришлось бы отыгрывать нейросетям...

— Так и лучше даже! — сказала Алла. — С 3D-моделями, кстати, намного дешевле выходит,

и от сценария они никогда не отступают. А то где я теперь своего Франческо найду?..

Алла уже почти месяц занималась с разработчиками восстановлением «идеального прошлого». Она выбрала день, который провела со случайным итальянским красавчиком, и его воспроизводили, не привлекая живого человека. На днях ей показали демоверсию.

— Знаешь, Нюр... Накачаннее, чем реальный был.

— Ты для него так стараешься держаться в форме? — усмехнулся Гарик. — Лестницы, ЗОЖ... Я бы на твоём месте желал поскорее себя угробить. Может, все-таки шампанского?

— Ну тебя, — отмахнулась Алла. — Я в юности спортом занималась, КМС по плаванию, ты знал? Никуда он от меня не денется, пусть подождет.

Алла чуть ли не единственная среди друзей Васьвась, кто продумал старость заранее. Почти все жили сегодняшним днем. В нестабильном мире планировать что-то на год вперед, не говоря уже о десятилетиях, казалось невозможным и даже глупым. Многим и не понадобилось. Но Алла лет в тридцать перестала тащить в рот всякую дрянь типа чипсов, занялась йогой и дыхательными практиками, ходила по врачам на регулярные осмотры, повторяя, что будет благодарить себя за это в шестьдесят. Замужем она ни разу не побывала, но в вечности ее ждал хоть и сгенерированный, но идеальный мужчина. Ее предупредили, что ни в коем случае нельзя возвращаться в то место, где она была счастлива: новые впечатления могут

исказать воспоминания. Но Венецию и так затопило, поэтому она при всем желании не смогла бы туда поехать.

— А что, все выбирают счастливые дни? — спросила вдруг Белка.

За столом притихли. Белка похоронила мужа год назад. Все знали, что она не подавала заявку на участие в программе и хотела умереть по старинке, раз и навсегда, потому что *ПэПэ* для пар рассчитан на то, что оба партнера живы на момент оцифровки воспоминаний, а без мужа Белка не хотела возвращаться ни в один из дней.

На самом деле Васьвась задала тот же самый вопрос на экскурсии, но девочка не растерялась и почти сразу нашлась с ответом. Видимо, многие интересовались.

— Гхм, знаете, нет. Когда мы только открывали программу, предполагалось, что люди будут выбирать самый лучший день их жизни. Логично же. Какой еще? Но знаете, некоторые отправляют самих себя в ад. Естественно в ад. Их сознание переживает худший день снова и снова... Не буду вдаваться в подробности — мы не имеем права разглашать данные, — но да, так тоже бывает. Мы не можем препятствовать желанию клиента. Вместо «лучший день» мы теперь на всякий случай везде говорим «тот самый день», «зе дэй». Разумеется, такие клиенты не дают разрешения на демонстрацию видео, да нам это ни к чему. — Девочка махнула рукой в сторону экранов, на которых счастливые мертвые словно дружно рекламировали турагентство, и поспешно улыбнулась так же